

Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ ¹⁾).

Современное положеніе Асканія-Нова.

Асканія-Нова, какъ собственность Фейна.—Откуда начался родъ Фальцъ-Фейновъ и кто изъ нихъ послужилъ причиною выясненія этого рода.—Основаніе зоопарка.—Мое знакомство съ владѣльцемъ этого зоопарка.—Снаряженіе экспедицій въ Монголію за поимкою лошади Пржевальскаго...—Географическое положеніе Асканія-Нова.—Таврическая степь весною.—Зоологическій и ботаническій парки Асканія-Нова.—Представители орнитологической и маммологической фауны всѣхъ уголковъ нашей планеты.—Страусы, фламинго, вѣшпеносные журавли, лаффоръ съ одной стороны и дикая лошадь, зубръ, американскій бизонъ, кенгуру съ другой...—Гибридизація.—Зоотехническая лабораторія.—Фауна мѣстныхъ прудовъ.—Асканійскій музей.—Посѣщеніе зоопарка Государемъ Императоромъ... Замѣтка о бобрахъ Налибокской пуши.—Заключеніе.

Въ августѣ 1856 года колониальное имѣніе Ангальтовъ—Асканія-Нова, въ количествѣ сорока восьми тысячъ десятиныхъ, перешло въ руки крупнаго землевладѣльца на югѣ Россіи, Ѳедора Ивановича Фейна — прадѣда нынѣшняго обладателя Асканія-Нова. Единственная дочь Фейна — Елизавета Ѳедоровна, отличавшаяся своеобразностью и самостоятельностью, вышла замужъ за помѣщика Фальца, который вмѣстѣ со всѣми имѣніями Ѳедора Ивановича унаслѣдовалъ, согласно грамотѣ Императора Николая I, и фамилію своего тестя, слывшаго въ округѣ за разумнѣйшаго общественнаго дѣятеля. Родоначальникъ Фальцъ-Фейновъ Иванъ Ивановичъ имѣлъ трехъ сыновей: Эдуарда, Густава и Александра и нѣсколькихъ дочерей. Старшій изъ сыновей Эдуардъ Ивановичъ и его жена Софья Богдановна суть родители Фридриха или Ѳедора Эдуардовича Фальцъ-Фейна, стяжавшаго міровую извѣстность своимъ аккли-

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1914 г.

матизаціоннымъ садомъ въ Асканія-Нова. Строго говоря, только личныя заслуги Ѳедора Эдуардовича и послужили поводомъ къ разъясненію рода Фальць-Фейновъ.

Въ раннемъ возрастѣ лишившись отца, даровитый мальчикъ остался на попеченіи матери—выдающейся женщины нашего времени... Въ настоящее время Софья Богдановна Фальць-Фейнъ счастливо проживаетъ въ своемъ богатомъ черноморскомъ имѣніи Преображенка, замѣчательномъ не только образцовымъ хозяйствомъ, но и дворцомъ и паркомъ. Во дворцѣ, между прочимъ, имѣется лучшая серія картинъ И. К. Айвазовскаго, бывшаго другомъ Фальць-Фейновъ.

Ѳедоръ Эдуардовичъ Фальць-Фейнъ родился въ 1863 году, въ привольной Таврической степи. Въ этой степи онъ росъ, развивался, крѣпчалъ духомъ и тѣломъ, въ этой же „родной“ степи онъ научился любить и проникать въ сокровенныя тайны природы. Первый гувернеръ и воспитатель Фальць-Фейна г. Конрадъ—нынѣ инвалидъ Асканія-Нова—скоро подмѣтилъ въ своемъ ученикѣ необычайное стремленіе къ степи, влеченіе къ ея растительному и животному міру, и много способствовалъ развитію мальчика въ этомъ направленіи. Конрадъ умѣлъ во-время подвести своего питомца къ первому цвѣтку степного растенія, къ первой пѣвчей птичкѣ, въ особенности соловью, и своимъ собственнымъ увлеченіемъ ими легко увлекалъ чуткую душу мальчика. И теперь, при случаѣ, Ѳедоръ Эдуардовичъ указываетъ на Конрада, какъ на одного изъ тѣхъ людей, который, вмѣстѣ съ его студенческимъ другомъ Вальтеромъ и товарищемъ по заграничному путешествію съ цѣлью ознакомленія съ зоологическими садами Бельгій и Голландіи Же-Фруа-Сантъ-Илеромъ, привили ему горячую любовь къ естествознанію. Десятилѣтній Фальць-Фейнъ поймалъ зяблика и заботливо посадилъ его въ клѣтку. Любуясь опереніемъ и наслаждаясь громкимъ пѣніемъ этой птички, будущій великій другъ природы мечталъ уже объ устройствѣ большой вольеры съ птицами. Мечтамъ счастливаго мальчика вскорѣ суждено было осуществиться: въ награду за успѣшный экзаменъ для поступленія въ гимназію Фальць-Фейнъ получилъ отъ отца право на устройство въ саду вольеры по его усмотрѣнію. Первый зябликъ и первая вольера послужили основаніемъ всего того, что нынѣ подразумѣвается подъ асканія-новскимъ зоопаркомъ. Свои гимназическія (Хер-

сонская гимназія) и студенческія (Юрьевскій университетъ, естественный факультетъ) каникулы Ѳедоръ Эдуардовичъ большею частью проводилъ въ Таврической степи и меньшую за границей.

Въ 1889 году Фальцъ-Фейнъ окончилъ университетъ и почти всецѣло отдался устройству зоологическаго сада... По словамъ близкихъ его, садъ Фальцъ-Фейна росъ со сказочной быстротою. Представители животнаго міра привозились не только изъ уголковъ Россіи и Сибири, но даже изъ Средней Азіи, Америки, Африки, Австраліи... Добывъ американскаго бизона, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало приобрѣсти изъ Джунгаріи дикую лошадь Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*)...

Вотъ съ этого-то времени и начинается мое личное знакомство съ Ѳедоромъ Эдуардовичемъ. Въ 1896-мъ году, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ экспедиціи, официально именованной „экспедиція спутниковъ Пржевальскаго, Роборовскаго и Козлова“, я встрѣтился съ Фальцъ-Фейномъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ специально посоветоваться объ организаціи экспедиціи въ Джунгарію за поимкою *Equus Przewalskii*. Съ живымъ интересомъ Ѳедоръ Эдуардовичъ расспрашивалъ меня о дикой лошади, объ ея мѣстонахожденіи, о прирученіи мѣстными обитателями, и страшно завидовалъ мнѣ, что я видѣлъ „отлично прирученнаго“ жеребенка *Equus Przewalskii*, содержавшагося въ конюшнѣ люкчунскаго вана...

Самъ Н. М. Пржевальскій о лошади его имени оставилъ намъ такое описаніе:

„Новооткрытая лошадь, называемая киргизами *кэртагъ*, а монголами *такэ*, обитаетъ лишь въ самыхъ дикихъ частяхъ Чжунгарской пустыни. Здѣсь *кэртаги* держатся небольшими (5—15 экз.) стадами, пасущимися подъ присмотромъ опытнаго стараго жеребца. Вѣроятно такія стада состоятъ исключительно изъ самокъ, принадлежащихъ предводительствующему самцу. При безопасности звѣри эти, какъ говорятъ, игривы. *Кэртаги* вообще чрезвычайно осторожны; при томъ одарены превосходнымъ обоняніемъ, слухомъ и зрѣніемъ. Встрѣчаются довольно рѣдко, да при томъ, какъ сказано выше, держатся въ самыхъ дикихъ частяхъ пустыни, откуда посѣщаютъ водопои. Впрочемъ, описываемыя животныя, какъ и другіе звѣри пустыни, вѣроятно надолго могутъ оставаться безъ воды, довольствуясь сочными соломчачковыми растеніями.

„Охота за дикими лошадьми чрезвычайно затруднительна; при томъ на такую охоту можно пускаться лишь зимою, когда въ безводной пустынѣ выпадетъ снѣгъ.

„Мнѣ лично удалось встрѣтить только два стада дикихъ лошадей. Къ одному изъ этихъ стадъ можно было подкрасться на мѣткій выстрѣлъ, но звѣри почуяли по вѣтру, по крайней мѣрѣ за версту, моего товарища и пустились на уходъ. Жеребецъ бѣжалъ впереди, оттопыривъ хвостъ и выгнувъ шею, вообще съ посадкою совершенно лошадиною; за нимъ слѣдовали семь, вѣроятно самокъ. По временамъ звѣри останавливались, толпились, смотрѣли въ мою сторону и иногда лягались другъ съ другомъ; затѣмъ опять бѣжали рысью и наконецъ скрылись въ пустынѣ.

„За исключеніемъ Чжунгаріи, кэртагъ нигдѣ болѣе не водится. Такимъ образомъ, прежній обширный, какъ показываютъ палеонтологическія изысканія, районъ распространенія дикой лошади въ Европѣ и Азіи нынѣ ограниченъ лишь небольшимъ уголкомъ центрально-азиатской пустыни. Въ другихъ ея частяхъ дикихъ лошадей нѣтъ“...

— „Въ нашихъ таврическихъ степяхъ, съ своей стороны говорилъ Федоръ Эдуардовичъ, еще недавно жили тарпаны; въ дѣтствѣ мой отецъ видѣлъ такую дикую лошадь (пойманную жеребеночкомъ и вскормленную при нашихъ конюшняхъ) и даже катался на ней въ экипажѣ... У меня въ Асканіи-Нова уже имѣется зоопаркъ, и мнѣ очень хотѣлось бы украсить его лошадью Пржевальскаго... Не откажите помочь совѣтомъ, какъ мнѣ добыть дикихъ лошадей“...

Живой, энергичный, любящій и понимающій природу Фальцъ-Фейнъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе, и я охотно пошелъ навстрѣчу его предпріятію.

Планъ экспедиціи обсуждался при участіи старшаго зоолога зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, нынѣ покойнаго, Е. А. Бихнера, Д. А. Клеменса, Ф. Э. Фальцъ-Фейна и меня.

Бихнеръ съ живымъ участіемъ отнесся къ организаціи экспедиціи, такъ какъ мечталъ подробно описать *Equus Przewalskii*. Въ силу этого обстоятельства Е. А. обезпечивалъ зоологическому музею исключительное право изучать добытыхъ живыхъ лошадей въ зоопаркѣ Фальцъ-Фейна и получать въ собственность шкуры и скелеты экземпляровъ, могущихъ пасть въ дорогѣ. Это право было закрѣплено утвердительнымъ словомъ Фальцъ-Фейна.

Три года подрядъ 1897—1899, Ѳедоръ Эдуардовичъ Фальцъ-Фейнъ снаряжалъ экспедиціи въ западную Монголію, потребовавшія расходовъ свыше десяти тысячъ рублей, и каждый разъ, черезъ посредство гг. Клеменса и Ассанова (русскій торговецъ въ Монголіи—въ Кобдо), получалъ молодыхъ дикихъ лошадей.

Но,—увы,—лошадки первыхъ двухъ экспедицій (1897—1898 гг.), изнуренныя большимъ путешествіемъ и суровостью сибирскаго климата, заболѣвали мытомъ, и большинство изъ нихъ окоуѣвали или въ дорогѣ, или въ Асканія-Нова. Слабость и невыносливость дикихъ лошадокъ справедливо приписывалась неподходящему способу ловли—догономъ на откормленныхъ скакунахъ. Жеребята запаливались, ослабѣвали и никогда не могли вполне оправиться. Ѳедору Эдуардовичу пришлось самому выработать программу поимки, дикихъ жеребятъ и первоначальнаго за ними ухода, и снабдить ею русскихъ и монголовъ-охотниковъ.

Только послѣ того, какъ охотники стали строго слѣдовать указаніямъ Фальцъ-Фейна, имъ удалось добыть нѣсколько хорошихъ, здоровыхъ жеребятъ (нынѣ взрослыхъ лошадей—съ приплодомъ), которыми въ правѣ гордиться зоопаркъ Фальцъ-Фейна.

Такимъ образомъ, Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ былъ *первымъ*, которому удалось, благодаря его настойчивости, добыть живую нѣсколько головъ *Equus Przewalskii* ¹⁾.

Съ 1896 года я собирался въ Таврическія степи, чтобы посмотрѣть на привольный зоологическій садъ Фальцъ-Фейна, и на то, какъ въ немъ чувствуютъ себя хорошо знакомыя мнѣ азіатскія антилопы, аргали, олени, или маралы, яки, а также многочисленныя пернатые... Все это меня страшно тянуло, но въ то же самое время продолжительныя путешествія въ Центральной Азіи отдаляли исполненіе моей мечты. И только минувшимъ лѣтомъ, въ первой его половинѣ, я наконецъ посѣтилъ Асканію-Нова, прожилъ въ ней непрерывно пять недѣль... Много новыхъ мыслей и много лучшихъ воспоминаній вынесъ я изъ этого замѣчательнаго уголка... То, что я здѣсь увидѣлъ и наблюдалъ, во много разъ превысило мои

¹⁾ См. мою статью „Правда о дикой лошади Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*)“. Географическій журналъ „Землеводѣніе“ 1913 г. Книжка III, стр. 69—73 (съ рисункомъ).

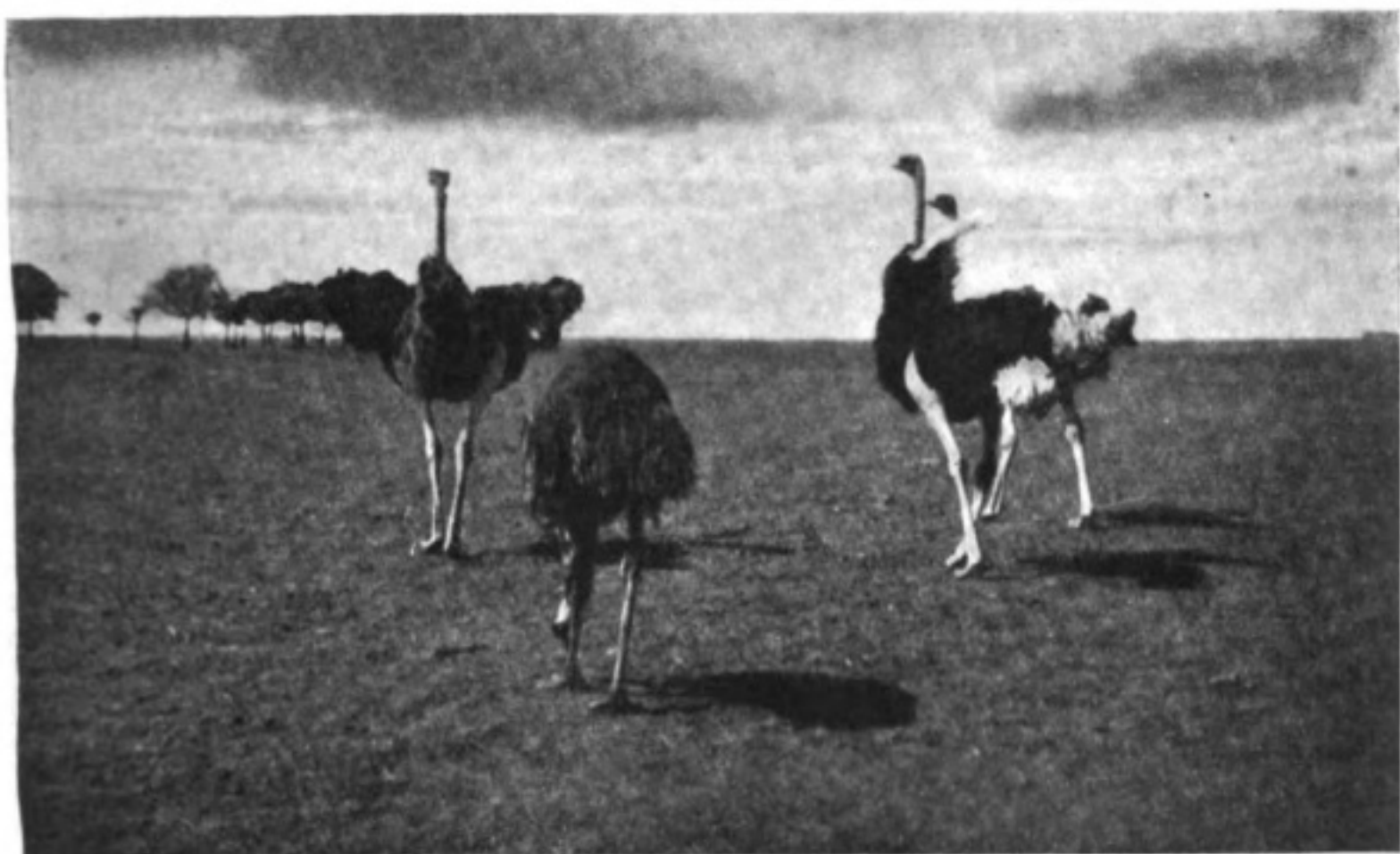
ожиданія! Всѣмъ, всѣмъ, кому только представится малѣйшая возможность, совѣтую побывать въ Асканія-Нова, въ особенности же подобная экскурсія полезна для молодежи—будущихъ зоологовъ...

Акклиматизаціонный зоологическій садъ Ө. Э. Фальцъ-Фейна сравнительно мало извѣстенъ не только русской широкой публикѣ, но даже и специалистамъ. Но зато за границею о немъ знаютъ давно... Нѣмецкіе зоологи и художники неоднократно посѣщали этотъ садъ и знакомились какъ съ его представителями въ области млекопитающихъ и пернатыхъ, такъ и съ тѣми научными результатами, которые достигнуты здѣсь путемъ акклиматизаціи и гибридизаціи...

Асканія-Нова расположена въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, подъ $46^{\circ}27'$ сѣверной широты и $3^{\circ}33'$ восточной долготы отъ Пулкова; иными словами, пріютилась въ семидесяти верстахъ къ западу-сѣверо-западу отъ станціи Ново-Алексѣевки Курско-Севастопольской жел. дор... Издали, среди безбрежнаго степного моря, Асканія-Нова представляется какъ бы оазисомъ въ пустынѣ... Здѣсь родовое гнѣздо Фальцъ-Фейновъ, которое нынѣ обособлено въ видѣ значительнаго, въ тринадцать тысячъ десятинъ земельного участка съ основными зданіями, построенными еще ангальтъ-кетенской администраціей... Подъ земледѣліе въ Асканія-Нова отведено лишь три тысячи десятинъ, остальное же пространство занято или выпасомъ (9.500 десятинъ) или же „заповѣдною степью“—пятьсотъ десятинъ.

Асканія-Нова представляетъ собою рядъ бѣлокаменныхъ, съ черепичными крышами построекъ, раздѣленныхъ меридіональной улицей на двѣ части, на два парка: къ западу—большій, зоологическій, въ семьдесятъ десятинъ, къ востоку—меньшій, ботанический, въ пятнадцать десятинъ.—Къ паркамъ непосредственно прилегаетъ жемчужина Асканія-Нова—*заповѣдная степь*.

Еще задолго до „оазиса“ Асканія-Нова, южно-русская степь отрадно привѣтствуетъ взоръ наблюдателя. На южномъ горизонтѣ ея пасутся табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота, овецъ-мериносовъ, верблюдовъ и разныхъ другихъ животныхъ... Изъ заросли ковыля взлетаютъ фазаны (*Phasianus colchicus*), красиво блестя на солнцѣ своимъ яркимъ опереніемъ. Въ мягкой синевѣ неба паритъ степной орелъ (*Aquila orientalis*). Прозрачный воздухъ переполненъ звонкими голосами по-

Асканія Нова. Страусы въ степи.

Асканійскій зоопаркъ. У водооя: зебра, олене-быки, сабельныя антилопы, гну, сайгаки и друг.

левыхъ жаворонковъ (*Alauda*). При видѣ всего этого вспомнились картины далекаго Куку-Нора, и еще сильнѣе забило тревогу соскучившееся сердце путешественника... Еще сильнѣе потянула къ себѣ завѣтная даль Азіи...

Дѣвственная степь поля живой гармоніи: она дышитъ днемъ, дышитъ и ночью. Волна серебристаго ковыля вечеромъ—это поэтическое восхищеніе, въ особенности при разгорѣвшихся лучахъ заходящаго солнца, когда по сторонамъ отъ него играетъ сизая дымка... Куда ни посмотришь—безграничный просторъ. Лишь изрѣдка курганы, съ каменными бабами, да стога сѣна нарушаютъ равнинное однообразіе степи.

Владѣлецъ Асканія-Нова долго боролся изъ-за древесныхъ насажденій парковъ, прежде, нежели получилъ блестящіе результаты. Сначала не доставало воды и не было подходящей для парковой растительности перегнойной почвы. Въ степи, какъ и въ пустынѣ—гдѣ вода—тамъ и жизнь. Съ устройствомъ же водонапорной башни, дающей до ста тысячъ ведеръ воды въ самое короткое время дня, асканіяновскіе парки ожили, деревца окрѣпли, листва расширилась, сгустилась, создалась благодатная тѣнь; пруды переполнились водою, которая пріятно зажурчала по самой сложной сѣти каналовъ и многочисленнымъ артеріообразнымъ оросительнымъ вѣтвямъ, поддерживающимъ пышную жизнь современныхъ могучихъ парковъ. Растительность парковъ включаетъ въ себѣ—платаны, туи, крымскую ель, біоты, разнообразныя сосны и ели, пирамидальный дубъ, сапфору, нѣсколько сортовъ тополя, клены, бересты, акаціи и много другихъ.

Самые парки, въ особенности ботанической, разбиты съ высокимъ знаніемъ дѣла, съ большою любовью ко всему простому и естественному. Куда бы ни зашелъ наблюдатель по извивающимся дорожкамъ, онъ всюду видитъ новыя, естественныя картины, новые уголки... Необычайную прелесть ботаническому парку придаютъ его замѣчательныя поляны, по которымъ тамъ и сямъ вспархиваютъ или просто рѣзвятся самые разнообразные красавцы-фазаны: королевскій, кавказскій, золотистый, алмазный, монгольскій, серебристый, ушастый и др. Въ утренніе и вечерніе часы паркъ оживленъ очень веселыми голосами пернатыхъ, а въ ночной майской тиши—чарующей трелью мѣстнаго соловья (восточнаго).

Такимъ образомъ въ Асканія-Нова создались разнообразная картина природы, разнообразные ея уголки. Создателю зоопарка представилась возможность завести лѣсныхъ, степныхъ и во-

ядныхъ представителей животнаго царства, въ особенности въ отдѣлѣ пернатыхъ.

Лѣсной зоологическій паркъ граничитъ со степнымъ; между парками, съ одной стороны, имѣется открытый, чистый прудъ, съ пустынной отмелью, обычно занятой краснокрылами или фламинго, съ другой—прудъ болотистый, съ большими, поросшими тростникомъ отвѣтвленіями, забѣгающими далеко на сѣверъ, и въ весеннее половодье соединяющимися съ обширнымъ разливнымъ озеромъ, на поверхности котораго во множествѣ отдыхаютъ пролетные дикіе гуси, утки, журавли и много другихъ.

Кругомъ царитъ приволье и своеобразная тишина: выстрѣлы раздаются лишь въ крайнихъ случаяхъ по четвероногимъ или крылатымъ хищникамъ, да въ осеннее время по многочисленнымъ зайцамъ... Ни кошекъ, ни бродячихъ собакъ вы въ Асканіи-Нова не встрѣтите.

Въ лѣсной части зоопарка животная жизнь также бьетъ ключомъ... Здѣсь, помимо птицъ—фазановъ, голубей, перепеловъ, китайскихъ соловьевъ, попугаевъ, иволгъ, кобчиковъ и множества другихъ, вы встрѣчаете стройныхъ газелей, муфлонъ, патагонскихъ зайцевъ, кенгуру—родина которыхъ Австралія. Въ Асканіи-Нова имѣются три породы кенгуру. Несмотря на громадное различіе въ климатѣ между родиной этихъ животныхъ и таврическими степями, все же они чувствуютъ себя здѣсь хорошо, размножаются, хотя чувствительны къ морозамъ и нерѣдко отмораживаютъ себѣ уши и кончики хвостовъ.

Приближаясь къ степному парку, вы уже слышите всевозможные голоса плавающихъ пернатыхъ, а вотъ и они сами картинно скользятъ по поверхности водъ. Впереди величаво выступаютъ лебеди, которыхъ здѣсь шесть видовъ: шипунъ, кликунъ, пигмей, трубачъ, черношейный и черный—представители Европы, Азій, Сѣверной и Южной Америки и Австраліи. За лебедями, мѣшаясь съ различными утками, плывутъ группы дикихъ гусей, также обитателей всѣхъ частей свѣта. Изъ гусей наиболѣе характерными являются: большой полярный гусь, малый полярный, индійскій, бѣлощекий, египетскій, канадскій, австралійскій. Тутъ и тамъ выдаются полностью представленныя въ Асканіи-Нова казарки: бѣлолобая, черная, огорь, галагавъ, каролика, мандаринка и красавица изъ красавицъ—казарка краснозобая (*Rufibreuta ruficollis*), которой нѣтъ ни въ одномъ изъ зоологическихъ садовъ.

Сѣверо и средне-африканцы, равно и обитатели прикаспія и киргизскихъ степей--фламинго—также украшаютъ собою зоопаркъ Фальцъ-Фейна; эти птицы здѣсь не размножаются и розовую окраску перьевъ удерживаютъ только на крыльяхъ; на всѣхъ же другихъ мѣстахъ перья имѣютъ бѣлый цвѣтъ. Днемъ, на солнцѣ, стоя въ длинномъ ряду, эти красавцы напоминаютъ собою мраморныя изваянія. Поодаль отъ пруда важно расхаживаютъ журавли— красавка и вѣнценосные, а также и сѣрые и бѣлые цапли. Надъ прудомъ нерѣдко кружатъ чайки-хохотуньи, гнѣздящіяся обычно на болотномъ пруду, на специально для нихъ устроенныхъ каменистыхъ островкахъ--это съ одной, открытой части пруда, тогда какъ въ сторону противуположную удалились наиболѣе строгіе журавли: болотный, стерхъ, антигонскій, манчжурскій, австралійскій и др.

Къ числу наиболѣе выдающихся птицъ въ Асканія-Нова относятся страусы: египетскій, сомалійскій, американскій и австралійскій.

Африканскіе страусы хотя и переносятъ зимній холодъ, но чувствительны къ сырости и склонны къ заболѣванію, въ особенности если много наглотаются снѣгу. Красивую картину представляютъ танцы этихъ страусовъ, во время ухаживанія за самкою. Высиживаніемъ же яицъ заняты бываютъ оба родителя.

Американскій страусъ, или нанду, переноситъ здѣшній климатъ хорошо. Снѣга и холода не боится, хотя во время сильныхъ холодовъ требуетъ небольшой защиты въ видѣ навѣсовъ, открытыхъ сараевъ и проч. Размножается легко. Къ особенностямъ этихъ страусовъ относится раздѣленіе труда въ заботахъ о потомствѣ: самка строитъ гнѣздо и кладетъ яйца, самецъ же ихъ высиживаетъ. Въ одно гнѣздо могутъ класть яйца нѣсколько самокъ.

Сравнительно небольшое число хищныхъ птицъ содержится въ умѣло устроенныхъ, просторныхъ вольерахъ, преимущественно парами, за исключеніемъ одной—двухъ вольеръ, въ которыхъ имѣются по двѣ или даже по четыре—пять паръ. Самые крупные хищники, санитары центрально-азіатскихъ степей и горъ—грифы-монахи (*Vultur monachus*), которыхъ здѣсь парочка. Одинъ изъ нихъ—мой хорошій знакомый, мой спутникъ послѣдняго монголо-сычуанскаго путешествія, сдѣлавшій на верблюдѣ около четырехъ тысячъ верстъ пути, да по желѣзной дорогѣ шесть тысячъ. Интересно, что онъ меня узналъ и, слетѣвъ съ жердочки на землю, началъ ласкаться, какъ ласкался

часто во время путешествія. Этотъ грифъ выглядит здѣсь превосходно... И мнѣ въ высшей степени пріятно повѣдать объ этомъ всѣмъ тѣмъ, кто съ первыхъ дней пребыванія въ Россіи Vultur monachus'a, познакомился съ нимъ и интересовался дальнѣйшею участью моего крылатаго спутника.

По сосѣдству съ грифами расположены обособленными парами: орлы беркута, орланы-бѣлохвосты (*Haliaeetus albicilla*) и друг. Въ одной общей вольерѣ съ давняго времени мирно уживаются: пара филиновъ, нѣсколько соколовъ, коршуны, сарычи. Но зато больно достается всякому новому пришельцу, пока къ нему не привыкнутъ старыя обитатели вольеры. Пополненіе хищниковъ въ Асканія-Нова обыкновенно происходитъ весною или осенью, на перелетахъ этихъ птицъ, когда ихъ подстрѣливаютъ съ далекихъ разстояній, съ цѣлью перебить крыло или вообще легко подранить. Раны у птицъ заживаютъ очень быстро.

Вольеры для среднихъ и мелкихъ птичекъ, для ихъ первоначальнаго прирученія, не оставляютъ желать ничего лучшаго, ни въ смыслѣ благоустройства—внутри журчитъ или переливается вода, зеленѣютъ травы, деревца—ни въ смыслѣ простора, такъ какъ вольеры, во-первыхъ, велики сами по себѣ, а во-вторыхъ, онѣ соединены между собою открытыми входами или выходами... Одна изъ такихъ вольеръ—центральная, въ которой жизнь пернатыхъ представляется наиболѣе полной и своеобразной и наиболѣе оживлена серебристыми струйками водопада, всегда притягивала къ себѣ послѣ обѣда и самого хозяина и его гостей... Съ чашкой кофе мы просиживали здѣсь цѣлыми часами... Привычныя птички нисколько не боялись насъ, наоборотъ, многія изъ нихъ прилетали вплотную къ человѣку и получали изъ его рукъ червячковъ. Къ числу такихъ относятся: зоряночка, синешейка, древесная щеврица, красавецъ и чудный пѣвецъ—шамо,—китайскій дроздъ, выводокъ перепелочекъ, кулички-зуйки и много друг. Кормя этихъ птичекъ, мы любовались другими—тѣми, которыя вѣтили или у каскадика, или по сосѣднимъ кустамъ.

Вотъ прилетѣлъ кардиналъ, весь красный, съ поднятымъ хохолкомъ и осторожно усѣлся подлѣ серебристыхъ брызгъ... Пониже купаются въ студеныхъ струйкахъ воды желтыя овсянки (*Emberiza luteola*), рядомъ съ ними изящныя желтыя и бѣлыя плиски... Въ ожиданіи свободныхъ мѣстъ, сидятъ на вѣточкѣ лапландская пуночка и маленькій голубокъ... Возлѣ бас-

сейна съ золотыми рыбками хлопочетъ на гнѣздѣ пугалица-чибисъ, жестоко гоняясь за ходулочникомъ или другими меньшими куличками. Изъ сосѣдней вольтеры бѣжитъ цѣлая стайка мелкихъ пташекъ, гонимыхъ съ крикомъ куликомъ-сорокой... У проволочной сѣтчатой крыши, у подвѣзаннаго снопа, компанія синичекъ тщательно изслѣдуетъ хлѣбные колоски; на другихъ такихъ снопахъ, съ пискомъ, заняты снѣгири, щуры и бѣлые щеглы... На песочкѣ, взадъ и впередъ, быстро перебѣгаютъ дорожки кулички-песочники, ржанки, турухтаны,— послѣдніе сильныя драчуны—жестоко дерутся другъ съ другомъ длинными, словно шпаги, клювами... Это своего рода птичій турниръ: турухтаны, въ весеннемъ убранствѣ, нападаютъ одинъ на другого, словно рыцари съ забраломъ...

Центральная вольтера—это одинъ изъ лучшихъ уголковъ для наблюденія за жизнью мелкихъ птичекъ, хотя и у садовой или парковой столовой также интересно. И здѣсь я съ большимъ восхищеніемъ просиживалъ подолгу, въ особенности въ послѣдніе дни мая, когда неподалеку отъ стола, на полянѣ, токовалъ тетеревъ или важно проходилъ, блестя несравненнымъ по красотѣ опереніемъ, лоффоръ, или же просто перебѣгали, изъ стороны въ сторону, калифорнскія перепелки, скалистыя куропатки и др. За отсутствіемъ горъ, скалистыя куропатки, подобно лоффоркѣ, часто взбирались на черепичныя крыши, бѣгали вдоль ихъ гребня и кричали, словно въ горахъ. Тутъ же вы слышите и пѣніе канареекъ, свсбодно перелетающихъ съ дерева на дерево, или невольно внемлете монотонному воркованію голубя-турлушки, обычно воркующаго на тополяхъ, спускающихъ свои вѣтви прямо къ столу... У стола то и дѣло снуютъ дрофы, ревниво оберегая это мѣсто отъ посѣщенія другихъ птицъ. Поодаль, на лужайкахъ, прогуливаются фазаны, другіе голубки, и вѣчно недѣлимая парочка австралійскихъ маленькихъ гусей...

Познакомившись съ пернатыми, можно перейти и къ обзорнѣю дикихъ четвероногихъ...

Къ юго-западной окраинѣ лѣснаго парка примыкаетъ степной—большая, въ шестьдесятъ десятинъ, площадь, куда животныхъ впускаютъ вначалѣ для прирученія и освоенія... Чтобы увидѣть этотъ паркъ, необходимо подняться на вышку...

Въ лучшую погоду, лѣтомъ, владѣлецъ Асканія-Нова здѣсь нерѣдко ночуетъ. „Съ большимъ удовольствіемъ—говорилъ мнѣ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ, провожу я тихія ясныя ночи среди нашей

южной природы, среди питомцевъ моего парка... Проснешься на зарѣ, взглянешь на животныхъ—одни бродятъ, другія предаются отдыху, а вотъ сегодня слышу какой-то хрусть подъ вышкой, смотрю: „Германъ“, крупнѣйшій оленебыкъ упражняется своими могучими рогами, пробуетъ ихъ силу объ устои вышки... Дивная, очаровательная ночь... Звѣзды свѣтятъ, какъ алмазы. Набѣжить вѣтеръ, освѣжить прохладой, закутаешься плотнѣе въ одѣяло, и вновь забудешься сладкимъ, крѣпкимъ сномъ до утра“...

Въ утреннее или вечернее время животныя мирно пасутся на всемъ пространствѣ участка, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, преимущественно крупныя, держатся обособленно, равно какъ и азіатскія антилопы—сайгаки, почему-то облюбовавшія удаленную на западѣ окраину парка, напоминавшую мнѣ кукунорскія степи...

Самымъ крупнымъ животнымъ здѣсь является африканская антилопа оленебыкъ (*Oreas oreas*), съ высокостоящими массивными рогами, которыми животное любитъ поддѣвать древесныя вѣтви, разбрасываемыя въ видѣ корма. Эта красивая, граціозная антилопа хорошо акклиматизировалась и успѣшно размножается; часть олене-быковъ пасется въ степи, вмѣстѣ съ рога-тымъ скотомъ, или обособленнымъ стадомъ, состоящимъ исключительно изъ дикихъ, но уже полу-прирученныхъ животныхъ, какъ, на примѣръ, гну, оленей, нильгау, ламъ, бубаловъ, африканской зебры и др.

Гну (*Catoblepas gnu*)—уроженецъ южной Африки, въ таврическихъ степяхъ хорошо акклиматизировался, плодится, приспособляясь съ дѣторожденіемъ къ нашимъ временамъ года. Гну въ высшей степени оригинальное животное, съ корпусомъ лошади и головою буйвола. Кричитъ, какъ хищная птица, а когда сердится—фыркаетъ и храпитъ по-лошадиному... „Изъ всѣхъ животныхъ—пишетъ Гаррисъ—гну самое неловкое и странное, какъ по своей внѣшности, такъ и по отношенію нрава и привычекъ. Природа сотворила его въ моментъ дурного расположенія духа; смотрѣть на его неуклюжія повадки врядъ ли возможно безъ смѣха: продѣлывая всевозможныя кривлянья, опустивъ свою косматую, бородатую голову между тонкими мускулистыми передними ногами, предоставивъ развѣваться по вѣтру свой длинный бѣлый хвостъ, странное и всегда пугливое животное это производитъ одновременно и дикое и смѣшное впечатлѣніе. Вотъ оно вдругъ остановилось, показываетъ видъ, что хочетъ защищаться, наклоняетъ косматую голову

для нанесенія удара, глаза его мечуть молніи, а голосъ, напоминающій ревъ льва, раздается съ силой и выраженіемъ; но вотъ оно начинаетъ нещадно хлестать себя длиннымъ хвостомъ по бокамъ, вспрыгиваетъ, становится на дыбы, вертится, припадаетъ на колѣна, снова вскакиваетъ и чрезъ мгновеніе несется стрѣлой по равнинѣ, взвивая за собой цѣлыя облака пыли“. Это животное дѣйствительно чрезвычайно рѣзво въ движеніяхъ, хорошо скачетъ, и, по мнѣнію Э. Э. Фальцъ-Фейна, способно къ дрессированію. Я наблюдалъ, какъ гну, по командѣ пастуха: „Васька“ или „Мишка, ложись!“—быстро и красиво исполнялъ приказаніе своего командира.

Нилмау (*Porax pictus*) изъ Индостана, акклиматизируется труднѣе другихъ, но размножается успѣшно.

Южно-американская лама (*Auchenia glauca*) имѣется въ значительномъ количествѣ, часть пасется въ степи... У себя на родинѣ это животное замѣняетъ верблюда, ходитъ подъ вьюкомъ и даетъ длинную, мягкую шерсть.

Изъ другихъ антилопъ въ Асканія-Нова имѣются два вида бубаловъ—бѣлолобый (*Damaliscus albifrons*) и степной (*Bubalis buselaphus*), антилопа черная (*Hippotragus niger*), антилопа Леше (*Cobus Lechée*), гарна (*Antilope cervicapra*), прыгунъ (*Gazella lachore*), газель арабійская (*G. dorcas [Tripolix]*), краснолобая (*G. rufifrons Salmi*), нубійская (*G. isabella*), хара-сульта или чернохвостая (*G. subgutturosa*), персидская (*G. marica*) и бунтебокъ (*Tragelaphus gonaleyni*)...

Олени (*Cervus*) здѣсь также богато и разнообразно представлены, а именно: олень благородный, крымскій, кавказскій, алтайскій, манчжурскій, сика, аксисъ, мунджакъ, свиной оленекъ (*Huelaphus porcinus*), лань (*Dama vulgaris*) и косуля (*Capreolus caprea*). Изъ оленей особенно много оленей—мараловъ—пасущихся, какъ это замѣчено выше, въ степи. Э. Э. Фальцъ-Фейнъ развелъ ихъ между прочимъ съ цѣлью сбыта маральныхъ роговъ въ Китай. Какъ извѣстно, китайцы дорого платятъ за рога-панты, необходимые имъ, какъ лѣкарственные препараты. (См. мою „Монголію и Камъ“. Т. I, стр. 18—22). Маралы привыкаютъ къ степи очень легко, дѣлаются ручными, за исключеніемъ, впрочемъ, любовнаго періода, въ августъ и сентябрь, когда они злобно ревнивы и не безопасны, въ особенности наиболѣе рогатые красавцы, всего чаще бросающіеся на чело-вѣка и другихъ животныхъ.

Изъ дикихъ овецъ имѣются муфлоны, гривистые бараны, аргали, кавказскій туръ. Родина муфлона—скалистыя мѣста

Корсики и Сардиніи, тѣмъ не менѣе онъ легко акклиматизируется въ степи. Въ Асканія-Нова муфлоны держатся и въ степи и въ огороженномъ степномъ участкѣ. Если дѣтенышей муфлоновъ, равно какъ и дѣтенышей дикихъ животныхъ вообще, воспитывать молокомъ изъ рожка, при содѣйствіи человѣка, то они становятся совершенно ручными, тогда какъ воспитанные матерью держатся очень строго и не подпускаютъ къ себѣ человѣка.

Надо полагать, что такимъ именно образомъ происходило прирученіе человѣкомъ дикихъ животныхъ и на зарѣ человѣческой жизни. Со времени глубокой древности человѣкъ поработилъ животныхъ, и вѣроятно самое поработеніе или прирученіе начиналось съ животныхъ наиболѣе миролюбивыхъ и наиболѣе полезныхъ для человѣка. По мѣрѣ общенія съ природою, умственные рамки первобытнаго человѣка раздвигались, самъ человѣкъ поднимался: изъ звѣролова-охотника переходилъ въ болѣе мирнаго скотовода-номада, а изъ этого послѣдняго—въ земледѣльца и т. д. И въ этомъ отношеніи зоологическій садъ Фальцъ-Фейна, устроенный совершенно на иныхъ началахъ, нежели зоологическіе сады вообще, представляетъ большой интересъ. Э. Э. Фальцъ-Фейнъ не задается мыслью показать только то или другое дикое животное. Его цѣль иная—акклиматизировать животныхъ, могущихъ процвѣтать въ его привольныхъ степяхъ, какъ процвѣтали здѣсь прежде тарпаны, сайгаки, сурки и пр.

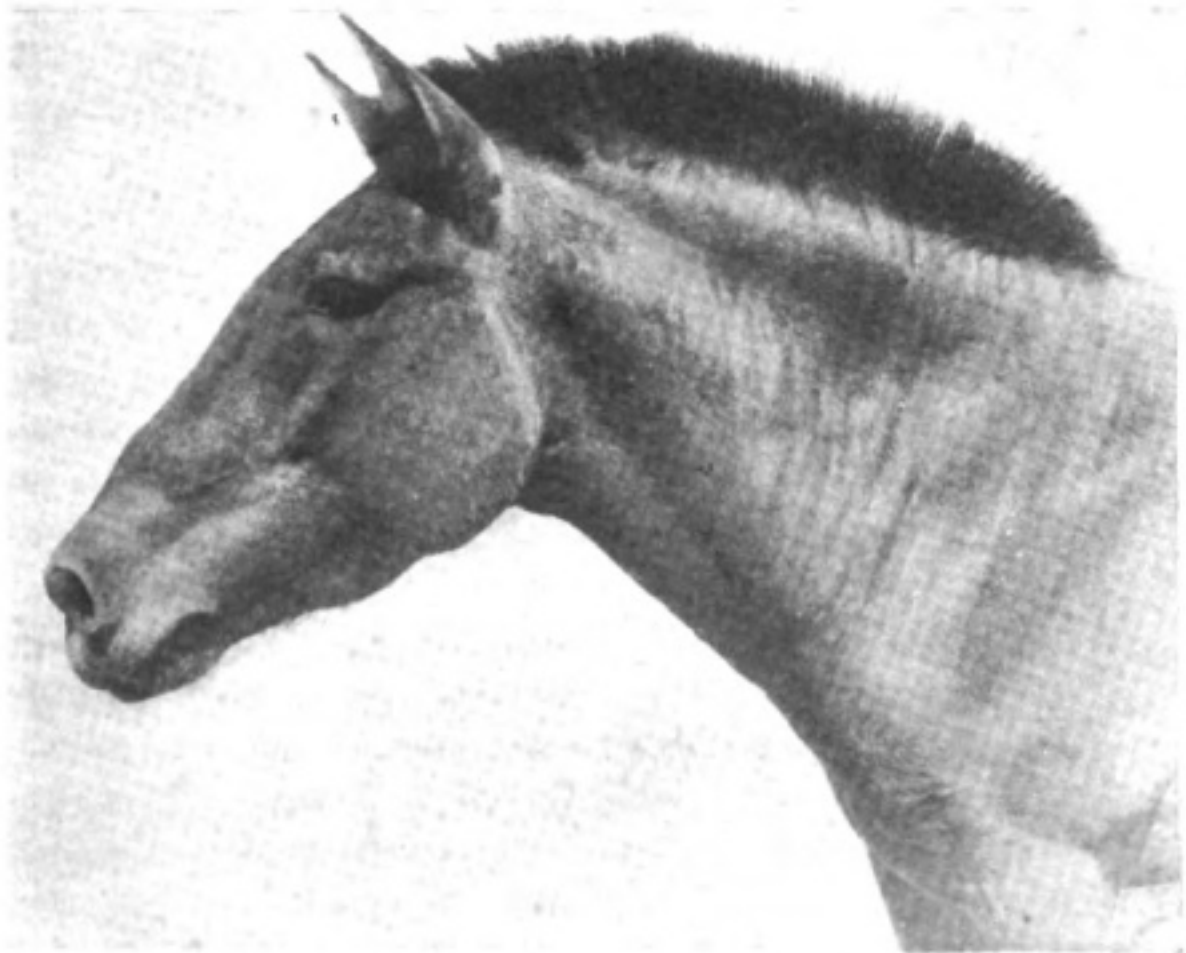
Въ высшей степени интересно то обстоятельство, что лѣсные звѣри, какъ зубръ или олень, отлично выживаютъ въ степи. И тѣ и другія животныя достигаютъ здѣсь полнаго своего развитія. Въ Асканія-Нова американскій бизонъ чувствуетъ себя такъ же хорошо, какъ чувствовалъ нѣкогда въ родныхъ преріяхъ, и мирно пасется въ общемъ стадѣ съ зубрами и рогатымъ скотомъ...

На своей родинѣ бизоны исчезли съ необыкновенной быстротой, и въ настоящее время въ Америкѣ насчитываютъ не болѣе шестисотъ головъ этихъ животныхъ, находящихся въ Уелло-стоновскомъ паркѣ, подъ охраною правительства. Американцы спохватились поздно; лишь съ недавняго времени въ Буффало организованъ особый комитетъ по охранѣ и разведенію бизоновъ, прилагающій всѣ старанія, чтобы развести эту породу животныхъ...

Въ аналогичномъ отношеніи съ американскимъ бизономъ

Асканія Нова. Американскіе бизоны въ степи, рядомъ съ украинскимъ скотомъ.

Асканія Нова. Дикая лошадь. Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*)
Подарокъ Государя Императора.

стоитъ нашъ бѣловѣжскій и кавказскій зубръ, количествомъ 400—500 головъ, имѣвшій въ историческое время широкое распространеніе въ Средней Европѣ. Надъ этими двумя видами большихъ и дикихъ животныхъ разныхъ континентовъ и были поставлены опыты акклиматизаціи въ Асканія-Нова.

Бизонъ былъ полученъ О. Э. Фальцъ-Фейномъ въ 1897 году, а зубръ—въ 1902 году. За истекшіи періодъ времени выяснилось полное одомашненіе какъ чистой породы—только лишь при условіи содержанія ея совмѣстно съ домашнимъ скотомъ—такъ и гибридизаціи зубра и бизона въ различныхъ комбинаціяхъ между собой и съ домашнимъ скотомъ.

Въ высшей степени интересны въ Асканія-Нова зубро-бизоны, въ особенности тѣ два производителя, которыхъ я наблюдалъ минувшимъ лѣтомъ, не уступающіе по величинѣ и красотѣ прославленному въ этихъ отношеніяхъ зубру... Не менѣе интересны здѣсь и зебронды—новая оригинальная полосатая порода животныхъ, полученная отъ скрещиванія зебры съ домашней лошадейю. Зеброндъ, это своего рода асканіяновскій мулъ—бесплодное, но очень сильное, выносливое и неприхотливое къ корму животное, употребляемое Фальцъ-Фейномъ для тяжелой работы. Сила зебронды въ полтора раза превосходитъ силу обыкновенной лошади; они возятъ преимущественно мѣшки съ зерномъ и землею.

Лучшее украшеніе зоопарка О. Э. Фальцъ-Фейна—*дикая лошадь Пржевальскаго* (*Equus Przewalskii*), которой въ настоящее время въ Асканія-Нова семь головъ чистокровныхъ, остальные—помѣси съ монгольской и русской домашней лошадейю. Дикія лошади—одна другой лучше—сытныя, округлыя, рѣзвыя. Въ таврическихъ степяхъ лошадь Пржевальскаго нашла настоящую родину... Часть дикихъ лошадей пасется въ степи, въ общемъ табунѣ съ ремонтными лошадейми, часть—производители—содержатся на конюшняхъ, или въ специальныхъ, просторныхъ загражденіяхъ. Особенно рѣзвъ, статенъ и гибокъ дикій красавецъ, подаренный Фальцъ-Фейну Государемъ Императоромъ. Этого жеребца я много разъ наблюдалъ и подолгу къ нему присматривался... Могучая шея, крѣпкій, округлый корпусъ, тонкія скаковыя ноги, при всемъ томъ—дикій, самостоятельный нравъ и необычайная сила. *Equus Przewalskii* всегда внушаетъ страхъ домашней лошади и человѣку. Когда я впервые подѣхалъ въ экипажѣ къ дикимъ лошадеймъ,—нѣсколькимъ маткамъ и царскому жеребцу, находившимся въ

оградѣ, то еще издали, почуявъ лошадей, дикій жеребецъ высоко поднялъ голову, втянулъ въ себя воздухъ, фыркнулъ нѣсколько разъ и, согнувъ колесомъ шею, побѣжалъ къ намъ навстрѣчу. Остановившись у очень высокой рѣшетчатой ограды, дикарь-красавецъ гордо билъ копытомъ землю, быстро повертывался, подбѣгалъ къ кобылицамъ и снова съ большой яростью бросался въ сторону экипажа... И только по удаленіи послѣдняго, жеребецъ нѣсколько успокоился, приблизился къ конюху, и началъ изъ его рукъ ѣсть зерновой кормъ... Царскій жеребецъ вначалѣ не подпускалъ къ себѣ человѣка и только впоследствии сдѣлался настолько ручнымъ, что позволялъ садиться на себя и даже производить джигитовку.

Любуясь дикою лошадейю въ Асканія-Нова, мнѣ невольно приходили на память наблюденія братьевъ Грумъ-Гржимайло надъ поведками *Equus Przewalskii*, на мѣстѣ его родины.... „Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржаніе. Сердце радостно забилося...

„Не успѣлъ я отползти шестидесяти шаговъ, какъ съ фырканиемъ и храпомъ вылетѣлъ изъ кустовъ жеребецъ. Казалось, это сказочная лошадь—такъ хорошъ былъ дикарь! Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно, онъ меня не почуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всѣ четыре ноги, снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ, поднявшись на дыбы, онъ съ силою втянулъ воздухъ, и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій, цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулся кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ) и рысью помчался отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налево дуги, становясь на дыбы и фыркая.

„Наши ночныя сидѣнія на озерахъ продолжались еще дня три, но безъ удачи: лошади подходили шаговъ на двѣсти, но болѣе приближаться не рѣшались.

„На шестой день нашего пребыванія въ Гашунѣ, мы встрѣтили табунъ дикихъ лошадей днемъ и тотчасъ же устроили на него облаву.

...„Почуявъ что-то недоброе, старый жеребецъ фырканиемъ далъ знать табуну о приближеніи людей; лошади мгновенно выстроились гуськомъ, имѣя впереди молодого жеребца, а

жеребятъ по серединѣ, между кобылъ. Пока табунъ шелъ, имѣя сбоку охотниковъ, жеребецъ держался съ той же стороны, направляя табунъ то голосомъ, то ударами копытъ, на избранный имъ путь. Когда лошади прошли сквозь цѣпь охотниковъ, жеребецъ сталъ въ арьергардѣ. Забавно было, какъ онъ понукалъ маленькаго жеребенка, который не могъ поспѣть за всѣми на своихъ слабыхъ ножкахъ. Сперва, когда жеребенокъ началъ отставать, кобыла старалась его подбодрить тихимъ ржаніемъ, но, видя, что ничего не помогаетъ, она отдѣлилась отъ табуна, не желая, повидимому, бросать своего дѣтища. Однако, жеребецъ не допустилъ подобнаго безпорядка: сильно лягнувъ кобылу два раза, онъ заставилъ ее догнать табунъ, а самъ принялъ попеченіе о жеребенкѣ. Онъ то подталкивалъ его мордой, то тащилъ, ухвативши за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь въ воздухъ.

... „Мы рѣшили перекочевать далѣе на востокъ, къ сосѣднимъ ключамъ, гдѣ была еще надежда встрѣтиться съ дикими лошадьми... Не успѣли мы проѣхать и двѣнадцати верстъ въ указанномъ направленіи, какъ впереди насъ раздался храпъ. Оказалось, мы встрѣтились какъ разъ съ табуномъ, который шелъ на водопой по той же тропинкѣ, но съ противоположной стороны. Почувявъ насъ, вожакъ храпомъ извѣстилъ лошадей; тѣ мигомъ повернули назадъ и, отбѣжавъ шаговъ триста, стали. Жеребецъ то уходилъ въ кусты, то снова появлялся, мечась изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сообразивъ опасность, онъ перебѣжалъ на тропинку, параллельную нашей и находившуюся шагахъ въ четырехстахъ, и ржаніемъ позвалъ къ себѣ табунъ. Лошади мигомъ перебѣжали къ нему и крупною рысью направились мимо насъ къ Гашуну“...

По словамъ владѣльца зоопарка, *Equus Przewalskii* — умная, самостоятельная, находчивая лошадь. Она всегда первая сообразить, первая избѣжить опасности, она лучше и искуснѣе другихъ проникнетъ въ середину табуна и никогда никакой другой лошади не позволить себя обидѣть. Что же касается до взятія или преодоленія встрѣчныхъ препятствій, повидимому самыхъ трудныхъ, то таковыя для нея почти не существуютъ—такъ легко и граціозно она скачетъ...

Гибриды обыкновенной лошади съ *Equus Przewalskii*—полукровки—хорошіи верховой сортъ, годный для ремонта. По общему виду они близки къ лошади, отличаясь лишь болѣе массивной головой, нѣсколько укороченнымъ корпусомъ, жест-

коватой холкой, гривой и хвостомъ, который кромѣ того еще и жидокъ...

Вопросы гибридизаціи, въ связи съ законами Менделя, успѣшно разрабатываетъ профессоръ И. И. Ивановъ. При его посредствѣ въ Асканія-Нова основана и зоотехническая лабораторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Теперь нѣсколько словъ о жизни въ прудахъ Асканія-Нова. Кромѣ европейской болотной черепахи, рѣчныхъ раковъ, карасей, линей, вьюновъ, въ нихъ водится и такъ называемая „золотая рыбка“, золотая орфа, хигой, карпъ и другіе. Золотые японскіе хигои достигаютъ двѣнадцати и болѣе фунтовъ вѣсомъ. Многіе хигои снабжены серебрянымъ кольцомъ съ датой и занесены въ ихтіологическій журналъ, который періодически, при ловлѣ рыбы, пополняется замѣтками.

Нельзя не упомянуть также объ асканіановскомъ музеѣ, расположенномъ въ отличномъ сухомъ помѣщеніи. Музей представляетъ большое цѣнное собраніе чучель млекопитающихъ и птицъ, погибшихъ въ зоопаркѣ, кромѣ того птицъ, добытыхъ на весеннемъ и осеннемъ перелетахъ... Любопытны между прочимъ чучела альбиносовъ: ласточекъ, воробья, коростеля... Въ ближайшемъ селеніи парочка ласточекъ нѣсколько лѣтъ подрядъ производила птенцовъ частью бѣлыхъ, частью нормальныхъ. Здѣсь же имѣется коллекція яицъ страусовъ. Изъ спиртовыхъ препаратовъ собраны рѣдкіе эмбрионы—лошади Пржевальскаго, гну, антилопы сабельной, сайги, газели, кенгуру, страуса и др.

Витрины съ археологическими находками въ разрытыхъ курганахъ, образцы почвъ поверхности и мощнаго разрѣза (при буреніи, въ поискахъ водоноснаго горизонта)—все это придаетъ музею характеръ естественно-историческаго собранія.

Въ музеѣ, равно какъ и въ домѣ владѣльца, имѣются книги для внесенія въ нихъ именъ посѣтителей, которыхъ съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Какъ извѣстно, нынѣшней весной, Державный Хозяинъ земли Русской, Государь Императоръ милостиво посѣтилъ Асканійскій зоопаркъ и очень подробно ознакомился съ его разнообразнымъ населеніемъ.

Отъ души привѣтствуемъ это замѣчательное явленіе въ жизни таврическаго зоопарка и его счастливаго основателя, который, надѣемся, съ новыми силами и новой любовью, бу-

детъ продолжать поучительное и высоко культурное начинаніе охраны памятниковъ природы.

Слѣдуетъ замѣтить, что у *Ө. Э. Фальць-Фейна* на западѣ, на границѣ Минской и Виленской губерніи, въ южныхъ предѣлахъ послѣдней имѣется огромная—около 30.000 десятинъ лѣсная пуца „Налибоки“, съ глубоководнымъ озеромъ Кромань и рѣчкой Кроманица, на которой, въ апрѣлѣ этого года, я наблюдалъ рѣчныхъ бобровъ и ихъ оригинальныя постройки—плотины... Въ лѣсныхъ дебряхъ Налибокской пуцы водятся во множествѣ дикіе лоси, олени, козы и кабаны, пользующіеся охраной и покровительствомъ своего владѣльца. Въ просторныхъ загонахъ *Ө. Э. Фальць-Фейнъ* держитъ прирученныхъ оленей и сибирскихъ козуль, и въ небольшихъ воьерахъ живутъ и размножаются разнообразные фазаны.

По общему характеру мѣстности, растительной и животной жизни, Налибокская пуца сильно напомнила мнѣ „Слободу“ Смоленской губ.—имѣніе моего незабвеннаго учителя *Н. М. Пржевальскаго*. Какъ тамъ, такъ и здѣсь много интереснаго и поучительнаго, но въ „Слободѣ“ нѣтъ бобровъ... Вообще это интересное животное крайне рѣдко въ нашемъ отечествѣ, и всякая попытка къ его сохраненію заслуживаетъ глубочайшей признательности...

Въ глубинѣ Налибокской пуцы, въ урочищѣ Буда, имѣется „Охотничій домъ“, который представляетъ собой небольшой естественно-историческій музей образцовъ мѣстной маммологической и орнитологической фауны. Въ одной изъ комнатъ виситъ, между прочимъ, портретъ княгини Витгенштейнъ—потомка князей Радзивилловъ, въ составъ огромныхъ земельных угодій которыхъ входила и Налибокская пуца. Еще въ концѣ минувшаго столѣтія сюда пріѣзжали изъ Германіи именитые охотники на такъ называемую великосвѣтскую охоту на лосей и на кабановъ.

Покойная княгиня очень любила Налибокскую пуцу, подолгу жила въ ней и, какъ страстная охотница, бывала заповалой охотничьихъ начинаній... Она стрѣляла медвѣдей и лосей, и имѣла отличныхъ вабельщиковъ - приманщиковъ. Пріѣзжая изъ роскошнаго замка Любча, расположеннаго на лѣвомъ высокомъ берегу Нѣмана (нынѣ принадлежащаго сестрѣ владѣльца Налибокской пуцы—*Лидіи Эдуардовнѣ Пейкеръ*), княгиня уступала гостямъ большой охотничій домъ, сама же обыкновенно помѣщалась въ ея любимомъ маленькомъ и очень скромномъ домикѣ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать искреннее пожеланіе, чтобы Асканійскій зоопаркъ—гордость Россіи—скорѣе перешелъ въ національную собственность и явился бы, такимъ образомъ, живымъ откликомъ на современный вопросъ „*объ охранѣ памятниковъ природы*“. Только при широкомъ содѣйствіи правительства, при скорѣйшемъ изданіи соотвѣтствующаго закона, вопросъ объ охранѣ памятниковъ природы станетъ на твердую почву подобно тому, какъ онъ уже сталъ въ Германіи. При Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, по живому призыву профессора-академика И. П. Бородинна, создавалась комиссія, которая разрабатываетъ этотъ вопросъ; среди членовъ этой комиссіи находится и Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ, который, горячо сочувствуя великой идеѣ, пришелъ на помощь и матеріальными средствами, передавъ комиссіи тысячу рублей, составившіе ея первый фондъ, необходимый для существованія.

Хочется вѣрить, что всѣ чистые, дѣвственные образцы нашей родной природы,—и въ центрѣ, и въ Крыму, и на Кавказѣ, и въ Сибири, найдутъ себѣ высокое покровительство закона; только тогда мы будемъ въ состояніи передать нашему потомству полную, живую исторію природы нашей матери-земли.

П. Козловъ.

